

З.В. Сикевич

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается влияние этнического фактора на социальные процессы в условиях модернизации общества. Анализируются основные социологические и социально-антропологические подходы к феномену этничности. Приводится авторская классификация этнического фактора на макро-, мезо- и микроуровне. Особое внимание уделяется субъектам межэтнического взаимодействия, в частности, содержанию негативного взаимодействия как отражения системы этнических предубеждений.

Ключевые слова: *этничность, этнополитическая мобилизация, этническая конфликтогенность, титульный народ, национальная политика, этносоциальная структура, этническое предубеждение.*

Keywords: *ethnicity, ethnopolitical mobilization, ethnic conflict, titular nation, national policy, ethnosocial structure, ethnic prejudice.*

Постановка проблемы

На первый взгляд, **по мере модернизации общества влияние этнического фактора на социальные отношения должно снижаться**, сохраняясь исключительно как своего рода культурная экзотика: испанцам — коррида, русским — парилка с березовым веником, а японцам — чайная церемония. В этом и состоит нормальная (в смысле соответствующая норме) этничность общества «постмодерна», не препятствующая утверждению глобализации и универсальных ценностей. Любой шаг в сторону объявляется искусственным «конструктом» рвущихся к власти политиков или следствием недостаточной «цивилизованности», о которой, впрочем, вслух, в силу политкорректности, не говорят. Примечательно, что ни в одном, даже добротном, зарубежном социологическом словаре

вы не найдете статьи «этническая социология» — она отсутствует, по-видимому, вследствие исчезновения в западном обществе предмета ее изучения (см.: Социологический словарь 1997).

Со второй половины XX в. в западной социологии и социальной психологии сложилось три основных подхода, с позиции которых рассматривается проблема этничности и обсуждается понимание этнического феномена. Это **примордиализм, инструментализм и конструктивизм**.

В рамках **примордиалистского подхода** принято выделять два направления: *социобиологическое* и *эволюционно-историческое*, или культурное.

Социобиологическое направление рассматривает этничность как «объективную данность, своего рода изначальную (примордиальную) характеристику человечества» (Geertz 1993: 255). В определенном смысле эта точка зрения по-своему толкует идею К.Г. Юнга о «коллективном бессознательном», которое формируется посредством архетипов. Но, в отличие от Юнга, социобиология придает этому феномену не просто культурный, но этносоциальный смысл. В соответствии с концепцией расширенного фенотипа, этническое есть «расширенная форма отбора и связи», которая трактуется как общее происхождение и воспроизводится благодаря этой трансмиссии. «Феномен этничности у людей в принципе не отличается от феномена поддержания границ между животными сообществами», — считал ведущий представитель этого направления Ван дер Берге (Berghe van der 1989). Очевидно, что это направление обнаруживает явные недостатки, прежде всего, игнорированием социального развития, как всего человечества, так и отдельных народов. Показательно, что в последние годы от столь прямолинейной трактовки юнгианских идей отказываются даже сторонники неофрейдизма в психологии, увязывающие архетипы не столько с наследованием определенных признаков, сколько с их неосознаваемым воспроизводством посредством подражания ребенка взрослым, в первую очередь родителям.

Другое течение примордиализма — **эволюционно-историческое**. По мнению его приверженцев, этничность — это разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад (см.: Бромлей 1983; Козлов 1999). Общая идея сторонников этого течения — этнические группы рассматриваются не как биологические, а как социальные сообщества, прочно связанные с культурно-историческим контекстом. Культурные характеристики, приобретенные благодаря социализации и инкультурации, превращают этничность в неотъемлемое качество, которое досталось людям в наследство от предков. Первостепенное значение имеет эмоцио-

нальная связь между членами этнической группы, которая объясняется стремлением к аффилиации, т. е. принадлежности к группе.

В современной зарубежной социологии и психологии примордиалистское направление постепенно теряет сторонников, сохраняя свои позиции в психологических концепциях неофрейдистов и современных юнгианцев.

Инструменталистские концепции смещают акценты с происхождения этнических чувств на их использование в качестве символического и реального капитала при достижении конкретных целей в обществе. Этничность рассматривается как **«выбор** тех индивидов, которые в иных обстоятельствах будут избирать иные групповые объединения как средство достижения власти и привилегий» (Берри, Дассен 2007: 23–27; Триандис 2007: 23–26).

При этнической мобилизации группы, с установкой на активные действия, особенно велика **роль лидеров**, избравших этничность «стратегическим пунктом» в реализации общих стремлений получить политическую или иную компенсацию за низкий социальный статус. При этом сами **чувства**, которые эксплуатируются активистами политических или социальных движений, могут рассматриваться исследователями как исконные (примордиальные), но пребывающие в латентном состоянии и **актуализирующиеся уже на этапе борьбы за** какие-то ценности, определенный **социальный капитал**.

По мнению Д. Белла, «этническая принадлежность может внезапно проявиться или уйти в тень в зависимости от политических и экономических обстоятельств» (Bell 1989: 142). Сохранение этничности в современном обществе массовой культуры объясняется желанием преодолеть отчуждение, упростить сложный мир повседневности, разделив всех на «своих» и «чужих». «Этничность становится более значимой, потому что она может соединять интерес с эмоциональной привязанностью. Этничность обеспечивает круг реальных общих идентификаций — в языке, пище, музыке, именах — когда другие роли становятся более абстрактными и безличными. Люди хотят приобщиться к “маленьким” объединениям и без труда находят это в этнической принадлежности» (Ibid 157–158. См. также: Мацумото 2002: 25–26; Почебут 2005: Гл. 1, 2).

Позиция Белла в целом не вызывает возражений: действительно, этническая самоидентификация, в особенности, если она становится ведущей в структуре социальных идентичностей, — есть упрощение сложной системы социальных, в том числе групповых, отношений в современном обществе. Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с тем, что этническая группа есть «малое объединение». Как раз напротив, принадлежность к народу в этническом значении этого понятия есть

членство в группе большой, значительно более крупной, чем локальные сообщества по месту жительства или роду занятий. Кроме того, Белл недооценивает необходимость индивида в «защите» со стороны группы, членом которой он является. Но именно народ, и опять же неважно, в действительности или только в воображении человека, способен защитить его от сложных проблем внешней социальной среды, причем действеннее, чем профсоюз или политическая партия.

Для сторонников **конструктивистского направления** характерно понимание этноса и этничности как определенной формы социальной организации культурных отличий. По их мнению, **этнические чувства** представляют собой **интеллектуальный конструкт**, формируемый учеными, общественными и политическими деятелями в зависимости от «спроса» на этничность. В основе этноса лежит самоидентификация одних групп людей по отношению к другим группам, в основе которой находятся представления членов этих групп о единых культурных чертах и общем происхождении.

Основное значение конструктивисты придают культурам, языкам, экономикам, политическим структурам, **не пытаясь трактовать этничность как целостный социальный или социально-психологический феномен** (Тишков 2001: 33–40). Вслед за инструменталистами, сторонники этого направления полагают, что этничность изменчива, ситуативна, множественна. Она рассматривается ими локально, через призму малых групп и отдельных индивидов, конструирующих этнические идентичности добровольно и самостоятельно или под давлением извне, — например, по причине недвусмысленной записи в общегражданском паспорте, специфичности расово-антропологического типа, релевантного в обществе, знания одного языка и т. д. Иными словами, этничность «провоцируется» извне и поэтому в определенном смысле не является «добровольным выбором» человека.

На наш взгляд, конструктивизм, которого, в частности, в последние годы, под влиянием западной науки, придерживается немалая часть российских культурных антропологов, обнаруживает свою слабость, в особенности применительно к конкретной социальной ситуации. Действительно, если бы этничность как целостное явление не существовала, а распадалась исключительно на «дробные элементы» культурного и политического характера, то советский конструкт, весьма агрессивный в своем давлении, должен был бы подавить ростки групповой этнической идентичности, существовавшей и во времена советской власти. Однако этого не произошло. Именно этнический фактор расшатывал устойчивость советской системы ничуть не в меньшей, если не в большей степени, чем ее политическая и экономическая составля-

ющие. Одна из причин распада СССР как раз и состояла в том, что советский конструкт за все годы своего существования так и не сумел ограничить ареал существования этничности одной лишь культурной сферой. Кстати, культуры народов СССР как раз успешно развивались, исключая одну лишь религиозную традицию, которая подвергалась гонениям.

Другой пример — любой этнический конфликт, который как раз и является наиболее явственной эманацией этничности именно как целостного явления. Возражения относительно того, что это «некие элиты» продуцируют конфликт или что в его основе лежат экономические претензии какой-то группы, не выдерживает никакой критики. Абхазский конфликт есть лучшее тому подтверждение. Между грузинской и абхазской культурами сегодня нет никакого существенного отличия, хотя эти народы исторически имеют различное происхождение. То, что часть абхазов — мусульмане, также никогда не служило существенным маркером их своеобразия. Многие абхазы до недавнего времени были «грузиноязычными», предпочитая грузинский или русский язык собственному, менее богатому в лексическом отношении. Конфликт зародился еще в начале прошлого века, когда никаких элит, кроме семьи владетельного князя и его приближенных, Абхазия не имела, т. к. подавляющее большинство этой группы составляли крестьяне-горцы. Тем не менее, латентный конфликт существует уже почти 100 лет, и в начале 90-х гг. XX в. он перешел в силовую стадию развития не только потому, что бывший президент Грузии Звиад Гамсахурдиа провозгласил лозунг: «Грузия для грузин». Это лишь последний толчок, ответом на который стали стихийные выступления абхазов за немедленное отделение от Грузии.

Итак, каждый из указанных подходов затрагивает какую-то важную грань этничности, однако не объясняет ее полностью. «Примордиалисты» не способны объяснить различную интенсивность этничности в разный период времени, а «инструменталисты» и «конструктивисты» становятся в тупик перед интерпретацией ее устойчивости и сохранения. В действительности этничность устойчива и первична по отношению к другим символическим полям, приобретаемым человеком по мере взросления. Это один из основных статусов человека, определяющий его оценивание и восприятие, но **интенсивность переживания этничности** (ее востребованность, степень выраженности) действительно **конструируется как внешними социальными обстоятельствами, так и внутренней установкой человека** (Сикевич 1999; 2008). Думается, **в современном обществе значимость этнического фактора не только не снижается, но даже, как это и ни парадоксально, возрастает.** Хотя именно

культурные границы, как в области материальной (жилище, пища, одежда и т. п.), так и духовной культуры (праздники, ритуалы, обычаи), на наших глазах «размываются» и для их сохранения требуются немалые усилия интеллектуальных элит. **Этнический фактор** сегодня, имея глубинную, не до конца осознаваемую, социальную и психологическую мотивацию, «успешно» **идеологизируется**, превращаясь в одно из действенных орудий политического антиглобализма (Тишков 1993: 4).

Иными словами, понятная, удобная и благородная идея объединения как бы провоцирует разъединение, и наряду с процессом евростроительства мы являемся свидетелями сепаратизма. Причем вовсе не только в Центральной или Восточной Европе, где подобный ход событий удобно объяснять ошибками национальной политики в коммунистическом исполнении, но и в стабильном, вполне благополучном западном обществе, трепетно относящемся к правам национальных меньшинств. Достаточно вспомнить не только всем известных басков, но и сепаратистские тенденции в канадском Квебеке, в Бельгии или на французской Корсике, т. е. в любом государственном организме, где есть «второй» народ, который невозможно интерпретировать как «пришлых» мигрантов. Действительно, франкоговорящие канадцы укоренились на этой территории даже раньше англоязычного большинства. Фламандцы — один из титульных народов Бельгии, а корсиканцам, сколько бы их ни называли французами, все равно ближе сардинцы, чем парижане. Конечно, можно подобные центробежные этнические процессы в соответствии с теорией «нормального» устойчивого развития сводить исключительно к проблемам регионалистики или экономической конкуренции (Там же: 5–6), однако даже не специалисту очевидно, что вряд ли как-то особенно нарушаются экономические или региональные права «части» единой нации, ведь и франкоговорящие канадцы, и фламандцы, и испанские баски являются полноправной частью гражданской нации, причем и в правовом отношении, и в государственной практике.

Отсюда напрашивается основной вывод — **этнический фактор в начале XXI века продолжает влиять на социальное развитие в глобальном масштабе, включая западное общество «постмодерна»**. Из этого общего положения следует ряд частных выводов, которые, на наш взгляд, удобнее формулировать от «противного»:

- **этнополитическая мобилизация** прямо не обусловлена типом **общественного устройства** — ср., к примеру, Испанию (баски) и Грузию (абхазы и осетины). Ситуация реформирования и социальных изменений просто обостряет «накал» этнических процессов, но не является первичным мотивом их возникновения.

- **стремление к сецессии** как один из результатов процесса «нациообразования» (параллельно с формированием национального самосознания) **впрямую не зависит от экономического благосостояния данного общества**. Очевидно, что качество жизни среднего баска на порядок лучше экономического положения среднего абхазца, тем не менее, и тот, и другой выступают за государственное «оформление» своей этничности.
- **направленность этнической мобилизации слабо соотносится с вероисповеданием** (конфессиональной принадлежностью) членов этнической группы. Склонность к силовому решению этнических споров характерна и для христиан — католиков (баски, корсиканцы и др.), православных (абхазы, осетины и др.), и для мусульман (чеченцы, косовские албанцы и др.).
- **ненаучно** (а в политическом смысле — небезопасно) **использование термина «этнический терроризм»**. Силовое решение сецессионных устремлений никогда не поддерживается **всеми** членами этнической группы, а употребление идеологом «баскский» или «чеченский терроризм» психологически провоцирует нейтральных и законопослушных членов этнической группы на прямую или косвенную поддержку экстремистов.
- **в полиэтнических государственных образованиях** (более одного «титального» народа) по сравнению с моноэтническими сообществами **выше вероятность центробежных процессов в силу латентной этнической конфликтогенности**.
- **категория «культура»** (если, конечно, не считать культурой все то, что не является природой) и **категория «этничность»** не являются **взаимозаменяемыми**, т. к. этническая идентичность формируется не только за счет культурного своеобразия, но и за счет специфики менталитета членов группы, особенностей исторического развития, экономики и политических институтов.

Факторная обусловленность этнических отношений

Частными проявлениями этнического фактора являются факторы **макроуровня, мезоуровня и микроуровня**.

Основными факторами **макроуровня** являются *общество и государство*. Наряду с универсальными этносоциальными характеристиками общества (этнодемографический состав населения, соотношение национального большинства и национальных меньшинств, интенсивность этнической миграции, наличие/отсутствие этнической стратификации в сознании граждан и т. д.) существуют и специфические характеристики конкретного общества и государства.

На макроуровне Россия имеет собственную специфику, которая выражается в следующем.

Государство

Россия никогда не была моноэтническим государством, исторически отторгая эту модель, наиболее распространенную в современном мире. Формирование русской нации (именно нации, а не этноса) происходило за счет длительного «смешения» чуждых друг другу по расово-этническому происхождению, но соседствующих территориально этнических групп (восточных славян, финно-угров, тюрков, скандинавов и др.). Даже в имперский период в основе национальной политики (доступ к государственной карьере, привилегии, с одной стороны, и ограничения, дискриминация, — с другой) лежала не этническая, а профессиональная принадлежность. Иными словами, «выгодно» было быть православным, а не русским.

Титульный народ — русские во все исторические периоды существенно превышал по своей численности другие этнические группы, представляя собой, таким образом, национальное большинство не только в правовом, но и в количественном отношении. В то же время, к примеру, англичан в период расцвета Британской империи было по сравнению с народами колоний всего лишь несколько процентов. Именно это (смешанное расселение и численный «перевес» русских) позволяет говорить о метрополии и колониях применительно к периоду Российской империи лишь с большой долей условности.

Русификация «окраин», начиная с XVIII в., после провозглашения Петром I России империей, **имела одновременно и отрицательные, и положительные последствия**. К отрицательным можно отнести частичную ассимиляцию близкородственных (украинцы, белорусы) и малочисленных (коренные этнические группы Крайнего Севера и Сибири) народов России, к положительным — опосредованную русской культурой европеизацию, в частности, кавказских и тюркских народов.

Сегодня сам феномен «культурного влияния», всегда в определенной мере насильственного, оценивается по-разному, однако остается неоспоримым фактом то, что русский язык и русская культура в целом во все времена служили и до сих пор служат мощным объединяющим началом для всех народов, оказавшихся в разные периоды в составе российского государства.

В отличие от Британской империи или Франции, где все колонии были «заморскими», а представители титульных народов, за исключением чиновников, солдат и коммерсантов, обитали главным образом на территории метрополии, **Россию всегда отличало смешанное проживание**

народов, и, прежде всего, русских. «Русские» земли (территории с подавляющим большинством этнических русских) плавно и незаметно переходили в татарские, украинские или казахские «земли». Этот тип расселения в годы советской власти, но особенно в ходе распада СССР, сыграл с русскими злую шутку: границы РСФСР были определены достаточно условно, и эти же приблизительные границы унаследовала современная Российская Федерация. (Впрочем, следует заметить, что тот же тип расселения провоцирует латентные территориальные конфликты между вновь образованными государствами Средней Азии).

Советская национальная политика носила внутренне противоречивый характер, что в конечном счете привело к распаду Союзного государства. Кстати, роль этнического фактора в этом процессе явно недооценивается. Основное противоречие состояло в попытке совместить две заведомо несовместимых тенденции. С одной стороны, задачу формирования единой надэтнической нации — советского народа как гражданства и, с другой, закладывание принципа этнизации в конструкцию Союзного государства. Очевидно, что две эти идеологические установки работали одна против другой. К этому серьезному просчету следует добавить и массовые сталинские депортации «неблагонадежных» народов, послевоенные репрессии в республиках, подвергшихся немецкой оккупации, и многое другое.

Федеративное устройство современной России носит асимметричный характер, сочетая в себе территориальный и национальный тип политической субъектности. Сама по себе эта асимметрия уже конфликтогенна, к тому же следует иметь в виду, что отдельные республики, несмотря на все усилия властей унифицировать их права относительно центра, обладают различным объемом властных полномочий, что приводит к скрытой этнической конкуренции за привилегии. Все это создает сложную систему реальных этнополитических неравенств, которая проявляется в межэтническом взаимодействии народов России, хотя и не отражена в Конституции, где в соответствии с современными нормами признается равенство всех народов, образующих российскую нацию.

Численное преобладание коренных национальных меньшинств над некоренными меньшинствами. Эта специфика не имеет аналогов в Европе. Так, во Франции, например, коренным меньшинством являются исключительно корсиканцы, которые, кстати, даже не признаются отдельным народом по французской конституции, но подавляющую численность меньшинств составляют выходцы из бывших французских колоний. На территории России, в силу ее размеров, оказалось более 100 народов, имеющих этническую территорию происхождения в пределах России. Естественно, этот факт не может не влиять на их статус

и этническое самосознание. Кроме этого, на территории своих национальных образований коренные народы являются «большинством», хотя в пределах всего государства представляют собой меньшинства. Все это не может не влиять на реальную этносоциальную стратификацию.

Общество

Институционализация этничности в период советской власти была инициирована национально-территориальным устройством советского государства и формированием этнонациональных элит, впоследствии принявших деятельное участие в развале Советского Союза. Этничность в форме «кровной» принадлежности к той или иной этнической группе начинает играть несвойственную ей регулятивную функцию, а этническая группа превращается по своей сути в референтную группу для всех ее членов. Неявная институционализация этничности сегодня наблюдается в большинстве национальных субъектов, что не может не расшатывать положительные межэтнические отношения, провоцируя конфликты на этническом основании.

Этносоциальная стратификация, присущая российскому обществу, не свойственна периоду постмодерна. Существовая исключительно в символическом пространстве, она, тем не менее, напрямую влияет на межэтническое взаимодействие. Сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью (членством в титульной или не-титульной группе, принадлежностью к национальному большинству или меньшинству), а также местом проживания (в «своем» национальном субъекте или на «чужой» территории), **расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов**, провоцирует усиление этнической конфликтности. Так, совершенно очевидно, что статус русского в Москве или в Казани, не говоря уже о Грозном или Махачкале, различны, несмотря на принадлежность к титульному народу и национальному большинству всего государства.

Российское общество характеризует **сложная этносоциальная структура**, обусловленная наличием, во-первых, коренных, имеющих политическую субъектность этнических групп и некоренных народов, лишенных таковой (в частности, российские немцы, греки, корейцы и т. п.); во-вторых, крупных, средних и малых по численности народов, равных в правовом отношении, но неравных в реальной жизни; в-третьих, выходцев из смешанных браков, нередко превращающихся в культурных «маргиналов». Очевидно, что внутренняя противоречивость этой структуры может быть преодолена за счет доминирования общероссийской идентичности («я — россиянин»), однако этот, безусловно, оптимальный выход остается все еще отдаленной перспективой как

раз в силу институционализации этничности, о которой говорилось выше.

Российское общество отличает **феномен «культурного запаздывания»**, когда политические и экономические изменения существенно опережают ценностную и психологическую готовность людей к радикальным переменам в их жизни. Применительно к нашей теме важно то, что величина этого «запаздывания» различна для каждого из народов, входящих в этносоциальное пространство России. Очевидно, что темп адаптации к новым жизненным реалиям, к примеру, у евреев или у русских выше, чем у малочисленных народов Сибири. Кроме того, в силу ментальной специфики и укоренившихся традиций отдельных народов России приспособление к новой жизненной ситуации, прежде всего экономической, принимает преимущественно негативный, маргинальный характер, граничащий с нарушением закона. Свобода выбора — высшее достижение демократического общества — интерпретируется как своевольное самоутверждение в духе известной русской пословицы: «что хочу — то и ворочу».

Институты образования и воспитания

Основным фактором **среднего уровня** являются *институты образования и воспитания*, осуществляющие гуманитарное (духовное) воспитание подрастающего поколения, в частности, воспитание этнокультурное, призванное формировать этническую идентичность, и патриотическое, призванное способствовать становлению национальной идентичности.

Социализация реализуется субъектами воспитания в рамках общей идеологии данного общества, в особенности его национальной идеи. Для России важнейшим содержанием этого процесса является формирование позитивной этнической идентичности представителей каждого из народов России и в то же время общей для всех национальной идентичности («мы — россияне»), предполагающей в перспективе формирование российской нации не только на правовом уровне (согражданства), но и на уровне символическом (психологическом).

К сожалению, следует признать, что гуманитарное воспитание, призванное формировать этническую толерантность и позитивное взаимодействие между гражданами России различного этнического происхождения, не справляется с этой задачей. Как показывают данные исследований, система этнических предубеждений, экстремизм в отношении людей другой национальности преобладает как раз в младших возрастных группах, которые проходили стадию вторичной социализации уже в новых условиях. Пожилые люди, оказывается, более толе-

рантны к своим бывшим соотечественникам, чем молодежь. Так что практика советского интернационализма имела не только недостатки идеологического характера, но и достоинства, позволившие сформировать несколько поколений в целом толерантных людей. Исключение составляет синдром антисемитизма, который явно и скрыто культивировался государственной политикой.

Семья

Основным фактором **микроуровня** является *семья* как базовый элемент первичного социального взаимодействия. Именно в семье происходит первоначальное «вхождение» ребенка в этническую культуру своего народа, в семье он приобретает начальные навыки социального взаимодействия, в том числе и в этнических отношениях, в семье формируется система этнокультурных норм, образцов поведения, и, главное, негативных этнических стереотипов, которые чаще всего и вызывают впоследствии конфликты как на межгрупповом, так и межличностном уровне.

Как показывают данные исследований, семья в качестве этнического «социализатора» доминирует над воспитательным воздействием институтов образования и воспитания. В том случае, если семья и, например, школа транслируют различные по содержанию и направленности системы ценностей и стереотипов, в конкуренции «выигрывает» семья, прежде всего потому, что семейное воспитание носит непрерывный по времени характер и осуществляется не только на осознаваемом, но и неосознаваемом уровне. Именно поэтому, к примеру, стереотипы этнической интолерантности, закрепленные в ходе семейной социализации, на уровне и установки, и социального поведения, чаще всего вытесняют нормы позитивного этнического взаимодействия, передаваемые в школе.

В качестве факторов, дополняющих перечисленные выше, следует назвать *средства массовой информации* и *искусство* (в нашем случае это, прежде всего, литература), которые также «соучаствуют» в формировании как этнической культуры, так и системы этнических норм, образцов поведения и стереотипов восприятия и оценки представителей иных этнических групп, хотя их влияние не всегда осознается «адресатами» воздействия.

Так, например, на восприятие и интерпретацию кавказских конфликтов на индивидуальном уровне влияют наряду с основными факторами макро-, мезо- и микроуровня не только комментарии СМИ, но и содержание «школьных» произведений А.С. Пушкина, М.И. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других классиков отечественной литературы.

Специфическим фактором, обуславливающим направленность этнических отношений, особенно на межличностном уровне, является *личный опыт социального взаимодействия*. Речь идет не только о том, носит ли этот опыт положительный или отрицательный характер, но и наличествует ли он вообще. Причем личный опыт взаимодействия (знакомство с представителями той или иной этнической группы) чаще всего снижает воздействие системы социальных стереотипов, сформированных в процессе социализации, в то время как отсутствие такового подкрепляет стереотипизированное восприятие и оценку «другого» в этническом отношении человека.

Субъекты межэтнического взаимодействия

В качестве субъектов взаимодействия в этнических отношениях могут выступать, во-первых, **этнические группы**, имеющие как равный, так и разный статус. В первом случае речь идет, к примеру, о двух или более титульных народах или двух и более национальных меньшинствах. Во втором случае имеются в виду отношения между национальным большинством или национальным меньшинством или между старожильским населением и этническими мигрантами. Во-вторых, **представители различных этнических групп**, также имеющих как равный, так и разный статус. Межличностный уровень в полном объеме отражает этнические оценки, самооценки и образы, сложившиеся на межгрупповом уровне, и воспроизводит их в ходе взаимодействия между индивидами, принадлежащими к различным народам и культурам.

На уровне индивида (личности) как субъекта межэтнического взаимодействия также обнаруживается российская специфика.

Этническая самоидентификация представителей отдельных народов России **различна** в силу ряда очевидных обстоятельств. Во-первых, этническая мобилизация, проявляющаяся повсеместно, у отдельных этнических групп обнаруживает различную интенсивность и конфликтную напряженность — так, в частности, несопоставимы социально-психологические последствия актуализации этничности на Северном Кавказе, с одной стороны, и в республиках Поволжья, — с другой. Во-вторых, содержание и «насыщенность» этнической идентичности членов тех или иных этнических групп напрямую зависит от традиций и норм обычного права, присущих этому народу. Ясно, что по этому критерию этническая идентичность, к примеру, чеченцев или ингушей не может не отличаться от этнической идентичности калмыков или бурятов, не говоря уже о русской самоидентификации, которая имеет совершенно особый тип, прежде всего, в силу сложной исторической судьбы этого народа. Вследствие этого чрезвычайно трудно сформиро-

вать единую общенациональную идентичность, которая носила бы внеэтнический и надэтнический характер, хотя без него никакая подлинная, а не декларативная, интеграция российского общества попросту невозможна.

Этнопсихологическое сходство в содержательной структуре этнической идентичности россиян различного этнического происхождения **носит в целом негативную направленность** и выражается в увеличении этносоциальной дистанции по критерию «мы» и «они» («не-мы»).

Для немалого числа людей неприязнь к этническим (к примеру, «лицам кавказской национальности») или религиозным (мусульмане) «чужакам» составляет чуть ли не ядро этнической идентичности, что не может не вызвать обоснованной тревоги. Силловые акции скинхедов вдвойне страшны тем, что они пользуются молчаливой поддержкой вполне благопристойных обывателей, каждый третий из числа которых, судя по данным нашего исследования (2006 г., 600 чел., квотная выборка Петербурга), испытывает неприязнь к отдельным, в основном кавказским, народам или отвергает всех «инородцев» вкупе (в частности, особенно антипатичны «южные народы», «восточные народы», «азиаты» и «все, кто не любит нас»).

Этническая идентичность русских в силу их многочисленности и особого статуса в российском государстве **заметно структурирована**. Так, ее содержание, по данным наших исследований, прежде всего, обусловлено уровнем образования, местожительством (столицы — глубинка) и политическими пристрастиями, в меньшей степени возрастом и профессией.

Негативное межэтническое взаимодействие как отражение системы этнических предубеждений

Негативное социальное взаимодействие в этнических отношениях обусловлено следующими причинами:

1. Доминированием этнического «я» в системе «я»-образов человека.

Как известно, система социальных идентичностей содержит множество «я»-образов человека, которые формируются и видоизменяются в течение всей его жизни. Некоторые из этих идентичностей являются достигаемыми (профессия, уровень образования, семейное положение), другие существуют изначально (пол, возраст, раса) или формируются в ходе первичной семейной социализации (этничность).

Если в традиционном обществе в системе идентичностей доминировали «я»-образы «по предписанию», то в обществе современном для позитивного социального взаимодействия необходима ориентация индивида прежде всего на достигаемые идентичности и личностные харак-

теристики, которые способствуют образованию толерантной глобальной среды взаимодействия.

Доминирование этнического «я», частным случаем которого является конфессиональное «я» (религиозная идентичность), противодействует позитивному общению между представителями различных этнических групп, подкрепляя, в частности, проявление эмпатии исключительно к представителям собственной этнической группы.

Для России в этом контексте частной проблемой является формирование национальной идентичности, как на индивидуальном («я — россиянин»), так и групповом уровне («мы — россияне»), доминирование которой над этнической идентичностью («я — русский» или «я — татарин») способствует позитивному социальному взаимодействию граждан России как членов единой гражданской нации — российского народа.

2. Доминированием системы негативных этнических стереотипов в оценивании «других», проявляющихся в ходе социального взаимодействия.

Представим авторскую иерархию этнических предубеждений (негативных этнических стереотипов), во многом отражающую результаты этнических исследований, которые проводились автором на протяжении более двадцати лет:

- **Этноцентризм** — стереотип, содержащий преувеличенное представление о значимости собственного народа и его культуры по сравнению с другими народами и культурами, тем самым препятствующий положительному взаимодействию в этнических отношениях.

Этноцентризм, как правило, является результатом преувеличенной этнической идентичности и доминирования этнического «я» в системе социальных идентичностей. Особенно опасен этноцентризм в России, причем как у титульного народа и его отдельных представителей, так и у национальных меньшинств. Этноцентризм препятствует формированию национальной идентичности на групповом и межличностном уровне, усложняет социальное взаимодействие, с одной стороны, между представителями отдельных народов России, с другой, между россиянами в целом и представителями этнических групп, живущих за пределами России (так называемых иностранцев).

Вместе с тем надо понимать то, что этноцентризм в определенном смысле является естественным продолжением позитивной этнической идентичности и полностью может быть преодолен лишь в перспективе, когда глобальная идентичность вытеснит этническую на обочину исключительно культурной традиции.

- **Ситуативная этнофобия** — кратковременный негативный стереотип социального характера, формирующийся, как правило, в конкретной социальной ситуации межэтнического взаимодействия, слабо

связанный с культурными характеристиками негативно оцениваемой общности, чаще обусловленный политическими, экономическими, демографическими или иными причинами, прямо не связанными с этническим контекстом.

Типичным случаем ситуативной этнофобии в России является *кавказофобия* — негативное оценивание представителей кавказских народов как на уровне установки, так и в социальном поведении. Как показывают данные исследований, эта фобия сформировалась в период перестройки и отразила негативную реакцию титульного народа России на увеличение миграционных потоков в крупные города России, состоящие из «других» по своему поведению людей, не желающих или не способных инкорпорироваться в принимающую среду. Дополнительным негативным фактором, способствующим развитию фобии, стала высокая экономическая и трудовая мобильность приезжих с Кавказа по сравнению со старожильским населением, которая в условиях общего снижения уровня жизни многочисленных групп населения способствовала закреплению данного негативного стереотипа в сознании многих людей.

Согласно результатам исследований последних лет, неприязнь той или иной степени к представителям кавказских народов, живущих в нашем городе, испытывает не менее трети взрослого населения. А среди представителей младших возрастных групп — около половины.

Следует специально подчеркнуть, что в отличие от схожих фобий, обнаруженных социальными психологами в странах ЕС (антипатия к арабам, туркам и др.), в России в структуре этой неприязни практически отсутствует фиксация религиозной принадлежности (мусульманин или христианин), которая на степень неприязни почти не влияет. Вероятнее всего это «волновой», хотя уже слабеющий, эффект советской атеистической идеологии, которая продолжает сохраняться на уровне массового сознания, несмотря на «религиозное возрождение».

- **Этнический предрассудок** — долговременный (исторически сформировавшийся) негативный стереотип этнокультурного характера, транслируемый из поколения в поколение и характерный для представителей разных народов

Примером предрассудка может стать *антисемитизм* или *цыганофобия*. Обе эти фобии носят повсеместный характер и типичны не только для россиян, но и для представителей многих европейских народов. Первоначально эти фобии возникли исключительно по культурным мотивам: негативная дистанция в отношении к евреям строилась по критерию «иной» веры и «иных» обычаев, в отношении к цыганам проявлялась традиционная неприязнь представителей оседлых народов

к кочевникам, к тому же живущим рассеянно, вне своей этнической территории. С течением времени в предрассудке появились и экономические мотивы, особенно в антисемитском синдроме, но дистанция все же носит в большей мере культурный, а не социальный характер.

По данным исследования (2006 г.), сегодня, в частности, в Петербурге численность людей, разделяющих данные предрассудки, заметно уступает численности людей, испытывающих неприязнь к выходцам с Кавказа. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что, как правило, возникновение и закрепление ситуативной фобии в какой-то мере «вытесняет» традиционные предрассудки. Если говорить о России, то, как показывают данные исследований, для русского человека — русскоязычный еврей, воспитанный в традициях российской культуры, становится ближе совсем «чужого» выходца с Кавказа, отличающегося от «нас» по установкам, культуре и нормам социального поведения.

Как выяснилось, этнический предрассудок в отношении евреев разделяет около 8 % петербуржцев, в отношении цыган — около 15 %.

- **Ксенофобия** представляет собой архаическое отвержение всех людей, не принадлежащих к «моей» общности как «чужих» и потенциально враждебных «нам».

Следует подчеркнуть, что ксенофобия — это наиболее «примордиальный» (архетипический) синдром неприязни, идущий от родоплеменного общества и абсолютного неприятия любого «не-члена» первичной группы, объединенной на основе биогенетического и биосоциального сходства.

Вариантом ксенофобии является расизм (в русском понимании этого термина как отвержения человека по признакам его расы). Ксенофобия обычно выражается в фиксации именно внешних отличий оцениваемого, чаще всего незнакомого, человека, провоцируя негативную реакцию на эти отличия (цвет кожи, форму носа, форму глаз и т. п.). Именно ксенофобия является наиболее опасным выражением системы этнических предубеждений. В этом случае отвержение на уровне установки или поведения вызывает просто реальное или мнимое отличие объекта оценивания от «нас» по самым поверхностным и случайным признакам.

Таковы вкратце основные особенности функционирования этнического фактора в современном обществе на уровне общих и специфических тенденций. Конечно, ценностная глобализация, которая только бы и позволила если не снять, то заметно снизить негативный фон межэтнического взаимодействия, является оптимальным выходом из ситуации взаимных претензий и недоверия как между народами, так и между

отдельными их представителями, однако ясно, что универсализация ценностей и норм возможна лишь в отдаленной перспективе общественного развития, не говоря уже о том, что она лишь по касательной обуславливает мотивацию этнических конфликтов. Попытки насильно втиснуть этнокультурное и этнопсихологическое своеобразие в прокрустово ложе всеобщего уподобления могут привести только к конфликту, проявлениям экстремизма и радикализма.

Литература

- Берри Дж. В., Дассен П.Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
- Бромлей Ю.А.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. М.: Старый сад, 1999.
- Мацумото Д.* Психология и культура. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Почебут Л.Г.* Взаимопроникновение культур. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
- Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 1999.
- Сикевич З.В.* Социальная психология этнических отношений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
- Социологический словарь* / Сост. Н. Аберкомби, С. Хилл, С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997.
- Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1–2.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
- Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
- Bell D.* Ethnicity and Social Change // Ethnicity. Theory and Experience. N.Y., 1989.
- Berghe P.L. van der.* The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1989.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N.Y., 1993.